

*Протоиерей
Александр Ельчанинов*

ПРАВОСЛАВИЕ ДЛЯ МНОГИХ

БИБЛИОТЕКА ПАЛОМНИКА

Библиотека паломника

Александр Ельчанинов

**Православие для многих. Отрывки
из дневника и другие записи**

ТД "Белый город"

2013

ББК 86.372

Ельчанинов А.

Православие для многих. Отрывки из дневника и другие записи
/ А. Ельчанинов — ТД "Белый город", 2013 — (Библиотека
паломника)

ISBN 978-5-485-00249-7

Эта книга никогда не готовилась ее автором к печати – она была задумана и составлена уже после смерти отца Александра, чтобы как-то продолжить и укрепить неоконченное дело его жизни. В книгу вошли некоторые из его записей, которые он вел для себя, отрывки из писем, имеющие общий интерес, несколько планов и проектов проповедей, случайные заметки на отдельных листках, найденные в его бумагах.

ББК 86.372

ISBN 978-5-485-00249-7

© Ельчанинов А., 2013
© ТД "Белый город", 2013

Содержание

Предисловие	6
Отец Александр Ельчанинов	11
Отрывки из дневника	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Протоирей Александр Ельчанинов
Православие для многих. Отрывки
из дневника и другие записи

© Издательство «ДАРЪ», оформление, оригинал-макет
Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской
Православной Церкви
№ ИС 10-09-0436

Предисловие

Эта книга никогда не готовилась ее автором к печати – она была задумана и составлена уже после смерти отца Александра, чтобы как-то продолжить и укрепить неоконченное дело его жизни.

В книгу вошли некоторые из его записей, которые он вел для себя, отрывки из писем, имеющие общий интерес, несколько планов и проектов проповедей, случайные заметки на отдельных листках, найденные в его бумагах.

Незадолго до своей болезни отец Александр говорил, что хотел бы написать книгу для молодежи как бы в ответ на часто обращаемые к нему, типичные для современного юношества вопросы. Он завел папку с надписью «Письма к молодежи»; но этот план его не осуществился, и только после его смерти были собраны письма к руководимой им молодежи и из них взято то, что могло бы хоть отчасти его осуществить. Таково же происхождение и главы «К молодым священникам» – она была тоже представлена несколькими отрывочными заметками, но все же помещается в книге, так как затрагивает одну из тем, наиболее ему близких.

Кроме этих глав, намеченных, как мы видим, как бы самим автором, все материалы книги сознательно не приведены ни в какую систему, чтобы не ставить никакого толкования между автором и читателем и предоставить каждому, в меру его внутренней потребности, почерпнуть из этой книги то, что было сущностью духовного облика отца Александра.

Таким образом, эта книга не есть литературное произведение, а подлинный документ человеческой жизни, то, в чем отразилась его душа и что осталось на земле от него.

Конечно, эта книга, составленная из отрывочных и случайных заметок, не исчерпывает его, но для знавших и любивших его это некие вехи, по которым они узнают образ любимого пастыря, услышат еще раз его голос. Не знавшим же его она все же даст о нем некоторое понятие и, может быть, некоторую помощь, утверждение, поддержку – т. е. сделает именно то, что делал всю жизнь для людей сам отец Александр.

Особенно может быть важна эта книга для современного человека, проходящего от светской современной культуры к религии и церкви, так как и сам он пришел к священству через врата светской культуры, через годы общественной и педагогической деятельности и через все трудности русской трагической судьбы.

По своему рождению он принадлежал к военной во многих поколениях семье. Родоначальник ее, рыцарь Алендрок, вышел из Литвы на службу к князю Василию Темному, и отец Александр любил эту свою коренную связанность с русским прошлым. Но к его рождению ничего уже не оставалось вещественного от этого прошлого, и имение их (в пределах которого были истоки Волги) давно уже не принадлежало семье.

Отец его умер рано – когда Александру было всего 12 лет. Семья жила на пенсию, и он еще в гимназии зарабатывал уроками и платил за учение свое и брата. Позже он сам себя содержал во время курса учения в Петербургском университете. По окончании университета он был оставлен при нем для научной работы (по кафедре истории) и в то же время примкнул, по многим дружеским связям, к представителям верхов русской культуры, достигшей блестящего расцвета в начале нашего века. Это время отмечено движением к Церкви и проповедью веры в утерявшем ее русском обществе. Движение это возникло в группе писателей, богословов и церковных деятелей, с которыми посильно работал и молодой студент А. Ельчанинов, предрекая этим путь всей своей жизни.

Его старший друг и наставник отец Сергей Булгаков так вспоминает те годы: «То было светское пастырство, проповедь веры в среде одичавшего в безбожии общества, и ей отдавался он, будущий пастырь, ранее своего пастырства. Во всей этой работе собирания духовных сил против безбожия и равнодушия он являлся неизменным и незаменимым тружеником и сотруд-

ником, смиренным и преданным исполнителем того, что на него возлагалось. Имя его должно быть вписано в историю нашего церковного просвещения, как и новейшего движения христианской мысли в России. Этому содействовали и его личные свойства, особое очарование его юности. Когда он появлялся – со своим лучистым ласковым взглядом – навстречу ему раскрывались сердца и появлялись улыбки».

Особенная дружба, начавшаяся еще с детства, связывала его с будущим священником отцом Павлом Флоренским. Под его влиянием и по собственной склонности, хотя и не имея мысли о возможности для себя священства, он поступил в Богословскую академию Сергиева Посада, одновременно принял участие в только что основанном Московском Религиозно-Философском обществе и был его первым секретарем. В это же время в журнале «Новый путь» появилась его первая статья «О мистицизме Сперанского», а годом позже – книга «История религий». И опять отец Сергей Булгаков отмечает: «А. Ельчанинов был любим и принят одинаково в кругах литературной Москвы и Петербурга, и везде с радостью встречалось появление студента с лучезарной улыбкой и особой скромностью и готовностью слушать и запечатлевать бесконечные творческие беседы».

Также принял он участие в начинаниях, задуманных для преодоления традиционной зависимости Церкви от государства и ставивших своей задачей приближение общественного устройства к евангельскому идеалу. Он сам вспоминал, как ночью где-то в подмосковном лесу читал и пояснял рабочим Евангелие, за что и получил от полиции штраф в 100 рублей, будучи заподозрен в политической неблагонадежности.

Курс Академии был прерван отбыванием воинской повинности на Кавказе, и в Академию он больше не вернулся, увлекшись педагогической деятельностью, став сначала учителем, а потом директором одной частной гимназии в Тифлисе. Эта гимназия была опытом новой школы совместного обучения. Его бывшая ученица М. Зернова так вспоминает об этом времени:

«Эта гимназия привлекала в свои стены самых талантливых преподавателей, но А.В. Ельчанинов был среди них исключительным и несравнимым. Его преподавание более чем что-либо иное в гимназии осуществляло ее основную идею – школу радости, творчества и свободы. Оно не укладывалось ни в какую систему и перерастало всякую программу. Это время полно для нас, учеников отца Александра, яркими личными воспоминаниями, овеяно очарованием прежде всего личности нашего учителя».

О его педагогическом даре пишет профессор Гарвардского университета Карпович, вспоминая своих товарищей и свою дружбу с отцом Александром еще в гимназии: «Все самое существенное в нашей жизни было связано с ним. Ему можно было сказать о том, чего никому другому не доверил бы, у него можно было искать разрешения разных сомнений и советов в трудных случаях жизни. Его влияние перевешивало, если не исключало, все остальные. Наша привязанность к нему была безгранична, но влиянием своим он пользовался с исключительной осторожностью. Никому ничего никогда не навязывая, он старался только помочь каждому найти правильный путь в ту сторону, куда каждого из нас влекло».

Из приведенных воспоминаний видно, что он не был педагогом в общепринятом смысле слова, а скорее, даже еще в свои юношеские годы, он был настоящим духовным руководителем, «пастырем ранее своего пастырства», повторяя слова о нем отца Сергия Булгакова. В эти же годы он читал лекции по истории религий на Высших Женских курсах, а также частный цикл открытых лекций на тему, ему близкую, – о новой русской религиозно-философской мысли и об отдельных ее представителях, которых всех он лично знал. В годы голода и разрухи он работал в американской помощи (Near East Relief), организовывая ремесленные, спортивные и просветительские занятия для детей, которых кормили американцы.

Позже, когда революционная буря рассеяла многих, он с семьей оказался во Франции, в Ницце, где первое время занимался сельским хозяйством, совмещая это с уроками русского языка и истории для русских детей во французском лицее.

Но к этому времени стало ясно, что светская педагогика не могла больше удовлетворять его, и другое, более высокое призвание влекло его к себе. Вот его рассказ о том, как это произошло: «Я получил письмо от о. Сергия Б., где он настойчиво советует мне принять священство. Я был поражен. Сначала мне стало страшно, как бывает страшно, когда почувствуешь судьбу, рок. Я понял сразу, что это неозвратно, что это моя судьба. В другом я, может быть, пытался бы обойти ее, но тут я почти не колебался – я пошел навстречу, и тогда стало так радостно и ясно на душе. На старых путях (педагогика, лекторство) мне было уже нечем жить, на новом пути я оживаю, возрождаюсь снова. Это мое посвящение во вторую степень. Первое – брак, второе – священство». И еще: «Меня всегда, особенно последний год, пугало быстрое течение времени; это потому, что я стоял на месте. Теперь (с решением принять священство) я пошел в разрез со временем или, вернее, нырнул в глубину, где время безразлично».

Принятие им в 1926 г. священства было как бы естественным продолжением и внутренне-его пути, и его внешней деятельности. Больше того – в священстве он проявил высшее, к чему был призван, и как бы осуществил замысел Божий о себе. Кто-то из его друзей сказал даже о его внешности в день его рукоположения: «Весь его иконописный облик как бы наконец нашел свое подлинное изображение».

Священство дало новое вдохновение его жизни. «До священства – как о многом я должен был молчать, удерживать себя. Священство для меня – возможность говорить полным голосом».

О том же свидетельствуют и его друзья. Профессор Ильин говорит: «Его личность просияла в священстве, которое развязало и раскрыло все заложенные в нем возможности». Сам он в первые дни записывает: «Какая радость быть священником! Священство – единственная профессия, где люди поворачиваются к тебе самой серьезной стороной и где сам все время живешь всерьез».

Его духовник, отец Сергей Булгаков, так оценивал его как священника: «Не только по своим личным качествам, пастырской призванности и одаренности совершенно исключительной, но в особенности по своему типу, отец Александр как священник представлял собой явление необычайное и исключительное, ибо он воплощал в себе органическую слиянность смиренной преданности Православию и простоты детской веры со всей утонченностью русского культурного предания».

«В этой жизни он не был гостем; он был наш, он принадлежал нашей эпохе, нашей культуре, нашему кругу людей и интересов. Поэтому так живо и так просто можно было беседовать с ним обо всех вопросах современности. Но все, что он говорил, было освещено каким-то одним внутренним смыслом, было связано одной идеей, и чувствовалось, что многообразие жизни есть для него подлинная и живая риза Божества.

Отсюда та сосредоточенность, та внутренняя строгость, которыми дышали его слова. У него не было предвзятых точек зрения, он легко вживался в любую мысль; но душа его стояла на камне, и это придавало его беседе исключительную ценность; он мог говорить обо всем, всегда говоря о том же; шел вместе с собеседником как друг и невольно вел его как учитель», – говорит о нем профессор Зандер.

Но в нем не было никакого «учительства», никакой нарочитой строгости. И, может быть, можно считать некоторым недостатком этой книги эту ее строгость, не свойственную ему самому и явившуюся результатом отбора для книги главным образом того, что было им написано на темы аскетические и посвященные вопросам духовной жизни.

Поэтому же в этой книге мало отразились и многие черты его характера: та легкая и светлая веселость, которая так была ему свойственна, его простота и непосредственность, снисхо-

длительность к недостаткам других – совершенно естественная и постоянная – и вместе с тем его склонность к тонкой иронии и юмору, также для него типичные.

Надо отметить, что интересы отца Александра были скорее характера практически аскетического, чем отвлеченно-богословского. Центром его внимания было применение христианства к жизни и интерес к человеческой душе. «Высший дар отца Александра был дар пастыря и духовника» (профессор Ильин). «Исповедь была основным призванием его священства. Знаменательно, что первый приступ его смертельной болезни свалил его во время исповеди» (монахиня Мария).

Каким он был духовником и чем он становился для людей, подходивших к нему на исповеди, мы видим из многих признаний: «Для меня он был олицетворением Божией правды на земле. Лучше, яснее, проще и мудрее его я никого не знал. В общении с ним открывался самый короткий путь к Богу... Как часто одна мысль, что придется перед ним каяться, останавливала от греха». «Разговоры с отцом Александром оставались в душе навсегда. Они были этапами духовной жизни». «Его руководство и наставления иногда почти неуловимы, слова скупы, но каждое оброненное им слово, полное человеческого понимания, оставляет след на всю жизнь». «У него был дар внимания и любви к каждому и дар забвения себя – в этом была его внутренняя сила и сила его необычайного влияния на людей».

Свое служение он нес также в проповеди. И, как раньше его уроки и лекции были полны духовной высоты, так теперь его проповеди отличались ясностью, сжатостью, насыщенностью мысли. Он всегда готовился к тому, что он скажет, и никогда к тому, как он скажет. Поэтому его проповеди носили характер непосредственности и глубокого внутреннего чувства, соединенных с ясностью мысли.

Сам он пишет об этом: «Чтобы говорить не подготовившись, надо иметь точную тему, расчлененную на главные мысли. Но главное, творчество должно происходить во время проповеди, иначе перегорашь, готовясь, и слушающим преподносишь холодный пепел». И еще: «Когда я обдумываю что сказать, почти всегда у меня начинается процесс богословского и словесного творчества и сама проповедь, таким образом, становится репродукцией. Значит, надо этот процесс совершать вслух, при людях; но для этого два условия – наполненное сердце и полная простота».

И это наполненное сердце и полная простота делали то, что действие его слов было необычайное.

Одна из руководительниц летнего лагеря дает этому пример: «Отец Александр ведет в лагере беседу, окруженный тесным кругом вдруг изменившихся, серьезных и увлеченных лиц. Тема лекции – трудная аскетическая духовная проблема. Поражает, как у этих, иногда самых легкомысленных и часто кажущихся нам, руководительницам, безнадежно элементарными девушек вырастает такой глубокий и захватывающий интерес к словам отца Александра. Приехав, он постепенно преображает весь строй лагеря и совершает чудеса».

Одним из больших увлечений отца Александра и особенно близким его духу было Движение – Христианское студенческое движение молодежи, к которому он был близок еще в России через профессора Новоселова, принявшего после революции монашество и погибшего в сане епископа. Новоселов вел в Москве проповедь веры среди студенчества и привлекал его к Церкви.

«Я все больше ценю Движение, – пишет отец Александр, – как собрание всего живого в Церкви, всех тех, кто принимает христианство не как традицию, не как слова, не как быт, а как жизнь». Особенно вдохновляли его большие ежегодные съезды Движения: «Атмосфера съездов Движения напоминает мне отдаленно тот горячий воздух тесных христианских общин апостольского века, в котором дышит Дух Святой и совершаются чудеса, без которого христианин задыхается и является только тенью, только схемой христианина».

На одном из съездов он встречается своего прежнего ученика, который отмечает: «Все прежний он, все тот же знакомый учитель, но чувствуется за этим неведомая глубина». Встречая его уже священником: «Мудрость его смирения, мудрость кротости давали ему особую власть над душами». «Главное в нем – простота. Но не изначальная простота человека, не знающего сложности мира, а простота зрячая, нашедшая меру в сложности». «Когда я увидел его священником, я определил для себя самого его особенность – сочетание в нем очень высокой настроенности с веселой жизнерадостностью, временами казавшейся чуть не беспечностью».

Эта ли беспечность во внешних обстоятельствах жизни или его душевное здоровье были тому причиной, но он сохранял что-то удивительно молодое во всем своем облике.

Его тесть вспоминает о нем: «Разве был в нем хоть малейший признак старости? – Он не только оставался все тем же, но становился как будто все моложе и моложе душой. Да даже физически – разве можно было сказать, что это человек уже перешедший за 50 лет тяжелой трудовой жизни, всегда переполненной непосильной работой, ни на минуту не отвлекавшей его от постоянного внутреннего горения».

Но умер он сравнительно рано, всего пятидесяти трех лет, полный сил и планов жизни: только что его перевели из Ниццы в кафедральный собор Парижа.

Он умер в Париже 24 августа 1934 года от прободения язвы желудка, вызвавшего сложное внутреннее заражение, длившееся 5 месяцев.

Умер в больших страданиях.

О его болезни и смерти также скорее всего представляется возможным говорить словами его друзей, следивших за этой трагической эпопеей.

«Иногда, помимо общего ощущения ужаса и трагизма смерти, мы чувствуем еще нечто другое. Жизнь окончена, подведена черта. Земной путь весь перед нами, и мы видим какую-то внутреннюю логику этого пути, его особую многозначительность и поучительность для нас. Эти мысли остро переживались у гроба отца Александра. Воистину, он был человеком «большой Судьбы», которая определяется внутренней гармонией пройденного пути, близостью Божьего замысла о человеке к тому, как человек этот замысел осуществил в жизни. Для знавших отца Александра не могло быть сомнения в его причастности к «большой Судьбе». Он был представителем того культурнейшего слоя русского общества, которое определило собой духовный облик и мысль блестящего начала XX века. Свой жизненный путь отец Александр завершил среди нас и, смею думать, раскрыл его в совершенной полноте христианской смиренной праведности. Через многие годы блестящей педагогической деятельности, через сложные переживания утонченной русской религиозно-философской мысли подошел он к священству мудрому, зрелому, смиренному и простому. Таковы были мысли о почившем, таким казался подведенный итог этой «большой Судьбы».

В гробу, в золотом иерейском облачении, с большим медным крестом в руках, с лицом спокойным и кротким, запечатленным высшей мудростью, лежал человек, сумевший раскрыть и осуществить себя перед Богом и людьми, показавший нам, как путь из Афин может привести в наши дни душу к небесному Иерусалиму.

Человечески смерть всегда трагедия и утрата, особенно для семьи, для близких. Но в этой смерти, помимо человеческого, открывалось и Божеское: полновесный плод человеческой праведности и человеческого подвига вручался в руки Творца» (Монахиня Мария).

Таким рисуется образ отца Александра в изображении его близких и друзей, но лучше и полнее всего, думается, отразился он непосредственно в его книге, которая, несмотря на свою отрывочность и краткость, есть все же обращенный к нам его собственный живой голос.

Тамара Ельчанинова

Отец Александр Ельчанинов

24 августа 1934 г. скончался после долгой и мучительной болезни отец А.В. Ельчанинов. Смерть вырвала его в полноте сил, когда он готовился вступить на новое поприще пастырского служения в Парижском кафедральном соборе, куда он призван был митрополитом Евлогием после внезапной смерти отца Г. Спасского. Болезнь, жестокая и неожиданная, поразила его и, как хищный коршун, выпила из него все жизненные силы. Казалось, отяготела на нем десница Господня, и, как Иов на гноище, лежал он на одре болезни, который сделался для него и одром смерти. Все, что могла сделать человеческая помощь и самоотверженная любовь, было сделано для него, но Господь судил призвать праведника в Свою обитель, и туда возлетела его светлая, чистая и праведная душа, не удержанная человеческими усилиями. Судьбины Божий неисповедимы, и не о нем, упокоившемся, в стране живых ныне надо сожалеть, а о себе самих, без него оставшихся. Ибо горькая утрата для живых есть его уход от нас. Я не позволю себе здесь касаться святыни скорби его собственной семьи, но его духовная семья простиралась далеко и широко за пределы этой последней. Он был священник и пастырь, связанный нитями духовноотеческой любви с множеством душ, которые теперь почувствуют себя осиротевшими, потерявшими кроткого и любящего отца и друга. Эти слезы и эта любовь ведомы только небу, о них не будет рассказано в летописях истории, хотя то, что совершается в сердцах, есть самое важное, что вообще происходит в жизни. Не только по личным качествам, пастырской призванности и одаренности совершенно исключительной, но в особенности по-своему типу, отец Александр как священник, представлял собой явление необычайное и исключительное. Ибо он воплощал в себе органическую слиянность смиренной преданности Православию и простоты детской веры со всей утонченностью русского культурного предания. Он был одним уже из немногих в эмиграции представителей старой русской культуры, достигшей перед революцией, в особенности в тех петербургских и московских кругах, в которых он вращался, своего рода зенита. Здесь биография почившего вплетается в историю этой русской культуры, о чем пишущий эти строки может быть и историческим свидетелем.

Мое знакомство со студентом, сначала Петербургского университета, а потом Московской академии, А.В. Ельчаниновым относится к эпохе примерно 30 лет тому назад в Москве. В это время выделялась и обращала на себя внимание молодая группа мыслителей, писателей и церковных деятелей, связанных между собой не только личной дружбой, но и товариществом по школе. Судьбе было угодно, чтобы на одной школьной скамье в Тифлисской гимназии сидели такие люди, как великий русский ученый и богослов отец Павел Флоренский, безвременно скончавшийся философ Вл. Эрн и будущий священник и педагог А.В. Ельчанинов, которые затем в северных столицах, но преимущественно в Москве, продолжали свою школьную связь. Все они – каждый по-своему – определились в новом для того времени, но исторически давножданном религиозно-культурном типе, который естественно примыкал к более старшему поколению того же характера плеяды мыслителей, писателей, богословов, поэтов нашего поколения (Тернавцев, Бердяев, Карташев, Вячеслав Иванов, Гершензон, Розанов, князя Трубецкие и др.). К ним же естественно присоединились и их молодые сверстники, как священник С. Свенцицкий, Андрей Белый, священник С.М. Соловьев, А. Блок и др. А.В. Ельчанинов был любим и принят одинаково в кругах литературной Москвы и Петербурга, и везде с радостью встречалось появление студента с лучезарной улыбкой, с особой скромностью и готовностью слушать и запечатлевать эти бесконечные творческие беседы. В дружеских кругах его звали Эккерманом при Вяч. Иванове, а затем при отце П. Флоренском, с которым он вместе жил в Сергиевом Посаде (кажется он и сам шутя, применял к себе это название). Начало этого века отмечено в истории русской мысли возникновением так называемых религиозно-философских обществ, сначала в Петербурге, затем в Москве, а позже и в Киеве. В них находили для себя

выражение новые борения и искания с их проблематикой и идеологией. Московское религиозно-философское общество «имени Владимира Соловьева» было основано осенью 1905 года, и первым его секретарем и неизменным сотрудником явился А.В. Ельчанинов (принимавший участие до того и в Петербургском религиозно-философском обществе), и он оставался на этом посту, пока для этого была внешняя возможность, неся по преимуществу невидимую, но незаменимую организационную работу. Это была в то же время активная проповедь христианства, борьба с безбожием интеллигенции в ее собственном стане – особая задача, выпавшая на долю нашего поколения и разрешавшаяся с посильной искренностью и энтузиазмом, хотя и без решительной победы, если судить по теперешнему разгулу старого интеллигентского, разлившегося в массы атеизма. А.В. Ельчанинов вместе с друзьями служил уже здесь делу христианской миссии, которому позже отдал себя всецело как священник. Одновременно возникали и иные начинания в области религиозно-политической, с которыми А.В. Ельчанинов также был связан через своих друзей. Здесь речь шла об идейном и практическом преодолении традиционной идеологии, сливавшей и отождествлявшей политический абсолютизм с Православием. Но собственное призвание А. В. Ельчанинова было всегда не литературное, но личное общение с людьми, в частности с молодыми душами. Он был педагогом по призванию, и уже тогда было известно, какой исключительной любовью пользовался молодой студент среди своих учеников. И эта черта – особый интерес к воспитанию и умение установить личную связь и дружбу между воспитателем и воспитываемым – была особым даром отца Александра. Этой своей потребности он нашел удовлетворение позднее на поприще педагогическом, став во главе частной гимназии в Тифлисе.

Обстоятельства разлучили нас надолго, и наша новая встреча произошла уже в беженстве, в Ницце, где он разделял общую скорбную долю эмигрантского существования. При этой встрече для меня стало ясно, что он решительно перерос уже рамки светской педагогики, которая ограничивается наружными покровами души, не входя в самое сердце. Пришло время осуществить педагогический дар во всей его полноте – в пастырстве. «К почести высшего звания» – к предстоянию перед алтарем Господним влекла его одинаково как его личная религиозная потребность, так и эта педагогическая стихия. И желанное совершилось: с 1926 года отец Александр – священник, занимающий скромное место при Ниццком соборе. Со всей открытостью своей чистой и верующей души вкушал он небесные радости предстояния перед престолом Агнца и с христианским смирением и мудростью этого смирения принимал терния, которые неизбежно встречаются на пути этого служения, как и внешние трудности жизни, его не щадившие. Он отдался работе приходского священника, но мог ли он при этом забыть свою первую любовь – воспитание детства и юношества, конечно, уже на церковных началах? И нельзя было не поражаться и не радоваться, видя, с какой преданностью относились к нему его молодые друзья. То была какая-то простая и крепкая настоящая дружба. В этом совершалась та молчаливая и незримая пастырская работа над человеческими сердцами тех, кто с такой любящей скорбью отпускали его из Ниццы и теперь так глубоко и искренно его оплакивают. В это время в собственной духовной жизни почившего стали преобладать настроения аскетические. Он посвящал преимущественное внимание святоотеческой письменности.

Много даров у Бога, и Бог ведает пути Свои. Но человеческий глаз в редующих рядах старого культурного поколения, а в особенности в пастырстве, еще не видит новых заместителей опустевших мест, и по-человечески становится тоскливо и жутко. Однако не место этим чувствам там, где совершается воля Божия. Сеется семя в смерти, восстает в славе, и славим и благодарим Господа о всем!

Кланяясь отшедшему в вечность и творя ему вечную память, да будет мне дано соединить ее с памятью обо всей той отошедшей эпохе, как и о тех друзьях, с которыми Провидение соединяло почившего и нас всех в этой жизни, и прежде всего тех школьных его друзей, из которых «иных уж нет, а те далече», с памятью о великой русской религиозной культуре.

Если пшеничное зерно... не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода (Ин. 12, 24). Слава и вечная память всем отшедшим и ныне почившему брату нашему!

Протоиерей Сергей Булгаков

Отрывки из дневника

До священства – как о многом я должен был молчать, удерживать себя. Священство для меня – возможность говорить полным голосом.

* * *

Нет другого утешения в страданиях, как рассматривать их на фоне «того мира»; это и по существу единственная точка зрения верная. Если есть только этот мир, то все в нем – сплошь бессмыслица: разлука, болезни, страдания невинных, смерть. Все это осмысливается в свете океана жизни невидимой, омывающей маленький островок нашей земной жизни. Кто не испытал дуновений «оттуда» в снах, в молитве! Когда человек находит в себе силы согласиться на испытание, посылаемое Богом, он делает этим огромный шаг вперед в своей духовной жизни.

* * *

Философствовать не есть богословствовать. «Если ты истинно молишься – ты богослов» (св. Нил Синайский). Необходимо внутреннее совершенство, чтобы понять совершенное.

* * *

Что такое постоянное чувство неудовлетворенности, беспокойства – обычное наше чувство, как не заглушенный голос совести, говорящий в нас, помимо нашего сознания и часто помимо наглей воли, о неправде нашей жизни. И пока мы живем наперекор данному нам светлomu закону, этот голос не умолкнет, т. к. это голос самого Бога в нашей душе. Обратное же, то редкое чувство полной удовлетворенности, полноты и радости, есть радость соединения божественного начала нашей души с общей гармонией и божественной сущностью мира.

* * *

Почему всякое «наслаждение», «сладость» – грех? Потому что момент наслаждения есть момент усиления личного самочувствия, и чем острее наслаждение, тем глубже мой разрыв со всеобщей гармонией. От наслаждения – к самолюбию, от самолюбия – к разложению гармонии, от разложения – к смерти.

* * *

«Опасно плавать, будучи одетым, опасно и обуреваемому страстями исследовать тайны Божества» («Лествица») – но из этого не следует, что не надо вообще богословствовать (как многие думают), а следует то, что надо избавляться от рабства страстей, и тогда нам могут быть приоткрыты «тайны Божества».

* * *

Все размышляю о тексте: *Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое...* (Ин. 15, 19). Признаю, что мы Христовы – наши страдания; и чем больше мы страдаем, тем больше, значит, мы *не от мира*. Почему все святые, вслед за Христом, так страдали? Соприкосновение с миром и погружение в него дает боль последователям Христа, а безболезненными себя чувствуют только дети мира сего. Это вроде безошибочной химической реакции.

* * *

Как бы ни был человек праведен и чист, а есть в нем стихия греха, которая не может войти в Царство Небесное, которая должна сгореть; и вот грехи наши горят и сгорают нашими страданиями.

* * *

Что умножает в нас духовную силу? – Преодоленное искушение.

* * *

Присутствие в нас, существах конечных, бесконечного – любви, ведет к желанию смерти, как входу в бесконечность.

Бог не оставляет нас и в нашей темной жизни: в нашей молитве, в таинствах, в нашей любви к Богу. Любовь к Богу есть доказательство Его общения с нами.

* * *

Жизнь – драгоценный и единственный дар, а мы бессмысленно и бесконечно тратим ее, забывая о ее кратковременности.

Мы или с тоской смотрим в прошлое, или ждем будущего, когда будто бы должна начаться настоящая жизнь. Настоящее же, т. е. то, что и есть наша жизнь, уходит в этих бесплодных сожалениях и мечтах.

* * *

Мнение о нас других людей – вот то зеркало, перед которым позируют почти все без исключения. Человек делает себя таким, каким хочет, чтобы его видели. Настоящий же, как он есть на самом деле, неизвестен никому, включая часто и его самого, а живет и действует некая выдуманная и приукрашенная фигура. Это стремление к обману так велико, что человек в жертву ему приносит, искажая свою природу, даже самого себя – единственное и неповторимое, чем является каждая человеческая личность.

Зато как пленяет всякий раз встреча с человеком, свободным от этой язвы, и как мы любим в детях, не вошедших еще в полосу сознательности, их полную простоту и непосредственность. Но возможна и сознательная борьба, приход к простоте от этой осложненности. Во всяком случае, осознать в себе присутствие этого зла – половина дела.

* * *

Какая радость быть священником! Вчера исповедывал целую семью. Особенно хороши дети – два мальчика лет 7–8. Я весь вечер был почти в экстазе. Священство – единственная профессия, где люди поворачиваются к тебе своей самой серьезной стороной и где и ты все время живешь «всерьез».

* * *

Как бы мы ни были слабы и худы порознь, но так радостно чувствовать, что для всех нас – одно самое главное.

* * *

Для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев... для чуждых закона – как чуждый закона... для немощных был как немощный... Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.